

В ПЛЕНУ СВОИХ МАНИЙ...

Рассказ

Был пасмурный сентябрьский день. Рита проснулась с трудом, но, вспомнив о предстоящем педсовете, сразу взбодрилась. Вытащила руки из-под одеяла, подняла их вверх и потрясла кистями. Ее научил этому старый приятель, объяснив, что так сосуды насыщаются кислородом. Быстро встала, предчувствие активного дня ее будоражило, тем более что к этому дню она готовилась давно.

— Скорей, скорей... Съешь йогурт и выпей чаю, этого достаточно. Помнишь, кто-то писал, что Маргарет Тэтчер перед важными встречами по утрам принимала только таблетку аскорбиновой кислоты, — крутилось в голове Риты, и, резко открыв холодильник, она достала оттуда баночку с йогуртом.

Мысли о педсовете возникали, переплетались и незаметно ускользали. Охватившее Риту волнение еще больше ускоряло набранный темп.

— Хорошо, что я не замужем, а то бы мне сегодня, в таком смятении, быстро не собраться. Пришлось бы с утра: подай, разогрей, помой. А потом еще — то душ занят, то туалет.

В этот момент звонок мобильного телефона прервал ее размышления.

— Ритка, привет, это я. Не узнаешь? Это я...

— Кто, я? — с недоумением произнесла Рита и тут же воскликнула: — Витька, это ты? Неужели ты? Откуда?

— Приехал... Узнала, хоть и не сразу... А я бы тебя узнал моментально, хоть через сто лет. Ведь у тебя незабываемый голос ...

— Да, уж конечно, — слегка кокетничая, нараспев произнесла Рита, — Витька, я рада, очень рада тебя слышать. Расскажи, откуда ты явился, надолго ли, да и вообще...

— Ритусь, — прервал он ее вопросы. — Знаешь, я бы очень хотел тебя увидеть. Ведь мы не виделись сколько? Наверно, лет пятнадцать, — задал он себе скорый вопрос, на который тут же ответил.

— Да-да, именно так... Витюш, слушай! Давай завтра встретимся. Сможешь мне позвонить? Ну, хотя бы днем, часа в четыре.

— Конечно, Ритусь, буду о тебе все время думать, — прокричал он радостно в трубку.

Неведомое пространство, втянувшее Риту в неожиданный разговор, сохраняло свою напряженность. И выпав из утренней суеты, она медленно опустилась в кресло, откинулась и закрыла глаза, но, тут же спохватившись, подумала: «Нет, воспоминания потом, только не сейчас, потом...»

Марина Валентиновна Ринейская (Сенцова) родилась в городе Бобруйске Белорусской ССР. Окончила юридический факультет Воронежского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового права ВГУ. Публиковала рассказы в журналах «Подъем» (2015, № 7; 2008, № 6), «Step by step» и других периодических изданиях. Живет в г. Воронеже.

Через пять минут она уже сидела за рулем своего автомобиля и ехала в гимназию с историко-литературным уклоном, где начала работать почти двадцать лет назад, сразу после окончания университета. Сначала — учителем русского языка и литературы, а теперь еще и завучем.

Ее маленький «кроссовер» был уже не новый, но Рита не торопилась его менять. Часто, подойдя к автомобилю, она ласково с ним здоровалась и как бы невзначай, чтобы никто не заметил ее сентиментальности, легко проводила ладонью по блестящему капоту. Машину Рита научилась водить поздно, когда ей уже было под сорок, но сразу поняла, что машина — это совсем другая жизнь. Машина — это мобильность, а значит — молодость, Машина — это жизнь в ногу со временем. А жить в ногу со временем надо, иначе твой внутренний ритм не будет совпадать с ритмом времени, и ты этому времени будешь все меньше и меньше нужен. «Значит, — считала Рита, — в двадцать первый век надо войти, то есть научиться пользоваться всем тем, что этот век требует». По этой же причине она себя долго заставляла, но все же заставила забыть блокноты и всякие подручные листы для записей, которыми всегда пользовалась на разных заседаниях и дома. Теперь Рита все записывала в iPade, к которому уже привыкла и который все время носила с собой.

Работу Рита любила. Здесь у нее все получалось, коллеги уважали, а главное — работа была местом ее творческой силы. Когда только начинала работать, она решила хорошо изучить ученика, так как понимала, что он ее должен слушать и ей доверять. Ей нравилось изучать его сленг, узнавать его интересы и ценности, а потом рассказывать ему о Евгении Онегине или Хлестакове, вводя литературный образ в контекст ценностей и языка современника. Ее радовало, когда ученик, рассказывая о Евгении Онегине языком Пушкина, вдруг добавлял, что сегодня героя романа в стихах называли бы «крутым парнишкой».

— Кто с этим согласен? — спрашивала Рита, обращаясь к классу.

Гимназисты тянули руки, разгорался спор. Но главное, каждый доказывал свою позицию, цитируя Пушкина. Получалось ярко и неожиданно. Так, незаметно для нее самой, просто по ходу урока, рождались Ритины педагогические методики.

Талант Риты заметили и назначили завучем. Здесь-то все и началось. Ей показалось, что какая-то давно сдерживаемая пружина начала внутри раскручиваться, и большие белые крылья поднимают ее вверх. И окрыленная, она решила реализовать в гимназии свою давнюю мечту: соединить преподавание истории и литературы. Эта мечта родилась в юности, когда она, будучи очень начитанной и влюбленной в русскую литературу, видела всю историю России как будто в картинках, где на фоне исторических событий литературные образы откуда-то медленно выплывали, останавливались перед глазами, а потом, как в дымке, уходили.

Рита взялась разрабатывать методики. Ей казалось, что все этого хотят, будут этому рады и все получится сразу. Но как всегда, у новаций оказались противники. И причина этого не в том, что идея плоха. К удивлению Риты, не все коллеги были так одержимы работой, как она. Были такие, кто не хотел что-то менять, усложнять налаженный ход работы, да и вообще ломать свою структуру жизни, где профессиональным делам отводилось четко заданное время без права его увеличения за счет времени личной жизни. А кроме того, Рита впервые узнала, что у любых идей есть просто оппоненты, так сказать, оппоненты по определению.

Вот и сегодня ее очередная новация, давно согласованная и обсужденная на всех уровнях, могла воплотиться в жизнь. Но Рита имела опыт и поэтому, глядя на дорогу через лобовое стекло, все повторяла и повторяла доводы, которые должны были убедить оппонентов, слышала их вопросы и мысленно на них отвечала. «Не-навязчиво, не-на-вяз-чи-во, — повторяла она шепотом, медленно въезжая задним ходом на парковку у гимназии. — А то моя речь вызовет сопротивление».

Быстро взбежала по высоким ступенькам крыльца в свой кабинет, сняла плащ и, взглянув в зеркало, радостно улыбнулась самой себе. В этот момент Рита почувствовала в себе ту силу, которая иногда посещала ее в решающие минуты и придавала ей энергии и уверенности. «Все будет хорошо», — кокетливо сказала она себе, не отрывая взгляда от зеркала. Взяла портфель, положила в него подготовленные еще с вечера документы и направилась на педсовет...

«Замечательные дни бывают! Все получилось. Даже Степанов, этот яркий ненавистник всего нового, не проронил ни слова, улыбался и голосовал. А с утра — Витька. Прорвался, как луч света из заоблачного прошлого. А ведь я могла выйти за него замуж! Хм... А может, это еще не конец?..» — размышляла Рита, стоя перед зеркалом в ванной и накладывая мягкими движениями ночной крем на лицо.

Потом она легла и закрыла глаза. Перед ее внутренним взором всплывали, как на картинках: филфак, Витька, вечно ждущий ее, постоянно опаздывающую на первую пару, литературные споры, безденежье и... книги, книги, книги. Витька был библиофилом, все знал о книгах и обожал Риту. Книги он где-то выискивал, покупал, менял. А еще Витька чуть ли не каждый день бегал на стадионе, а иногда, когда не было времени, — на улице, вокруг дома. По этому поводу Рита над ним подшучивала, но Витька был непоколебим. Она догадывалась, что своей бедотней он стремился избежать частых болезней, которые его постоянно посещали: то грипп, то простуда, то какая-то инфекция... А после болезни Витька приходил в университет, садился рядом с Ритой и заглядывал ей в глаза. Рита знала, что он ее ревнует, но виду не показывала. Витька тоже не сознавался, но ему казалось, что во время его болезней место рядом с Ритой может кто-то занять. И он пытался все понять по ее глазам. Так себя успокаивал.

Они встретились в кафе. Подходя к условленному месту, Рита узнала Виктора еще издали. Такой же, как и прежде, стройный, без какого-либо намека на живот.

«Видимо, все бегаешь, как и раньше», — отметила про себя Рита. А когда поравнялись, она почувствовала, что по коже пошли мурашки. Витька был все тот же: его внимательный взгляд быстро скользнул по ее неярко накрашенным губам, слегка подведенным глазам и рыжим с солнечным отливом волосам. Он был рад, очень рад ее видеть, она это чувствовала, но спокойно, не выдавая волнения, улыбался и молчал. Все было почти как прежде, когда он поджидал ее каждый день на крыльце филфака и радовался ее появлению.

«Боже мой, боже мой, — мелькнуло в голове Риты, — ведь это Витька, такой родной и близкий, который когда-то, сам себе не признаваясь в том, меня застенчиво любил».

Ее смущали только лысина, слегка блестящая на его затылке, да какие-то мешковатые, явно не по размеру брюки. А когда они вошли в кафе и стали располагаться за столиком, взгляд Риты упал на его черные кожаные туфли. В них как будто «влепились» ступни, очертив по верху обуви свою форму и подчеркнув пуговку носка складками.

— Ритусь, ты стала еще лучше. Настоящая классическая дама. Я восхищен! — сидя за столиком и пристально рассматривая Риту, произнес Виктор.

— А ты! Завидно стройный. Я тебя сразу, еще издали, узнала по фигуре. Наверно, как и раньше, все бегаешь от инфаркта?

— Ну, не от инфаркта... Но бегаю, конечно. «Форма», Ритусь, — это прежде всего. Без «формы» я погибаю. Ты не поверишь, но три месяца назад, когда я приехал, мой вес превышал стандартный на пятнадцать кило. Я сразу взялся за себя, и вот — результат налицо, — ответил Виктор, заметно оживившись. — Ритусь, ну расскажи о себе. Где ты? Что делаешь? Есть ли дети? А муж все тот же?

Разговор перебил официант. Рита взяла меню, бессмысленно полистала и положила на столик.

— Знаешь, замужество не удалось. Развелась. Вот уже семь лет как одна. А работаю в гимназии с историко-литературным уклоном, дослужилась до завуча. Детей нет, не получилось. Радуюсь тому, что есть: в основном — работе, а еще — хорошей книге, цветочкам на даче... Мама рядом... Заботы... Ну что? Давай что-нибудь закажем, — поспешно перевела разговор Рита и тут же подумала, что Витька «не руководит ситуацией», а чувствует себя как гость.

— Смотри, кажется, дождик пошел, — не откликнувшись на ее предложение, заметил Виктор. — А зонтик у тебя есть? Мне кажется, ты очень легко одета, не простыла бы...

Рита повернулась и увидела, что окно кафе, завешенное изящными кремовыми шторами, заливают тонкие струйки воды. На улице стемнело. В кафе включили приглушенный свет, и Рита заметила, что атмосфера вокруг изменилась. Стало как-то интимно и уютно.

— Витюш, я на машине. Не волнуйся, не простыну. Да и тебя довезу до дома.

— Ох, ох... Ты на машине, — замедленно произнес он. — Значит, мечта сбылась. Ведь ты еще тогда мечтала о машине и обязательно хотела водить.

— Вить! Мечта сбылась, но не это главное. Я все время здесь, никуда не уезжала. А вот ты-то где? Оказывается, уже три месяца в городе, а все скрываешься?

Принесли чай с чабрецом и вишневый штрудель. Виктор медленно разлил чай из чайника в чашки, Ритину и свою, и, выпив глоток, произнес: — Ритусь, я возвратился домой. Здесь у меня мама, уже старенькая. Ей нужен уход, а дать его, кроме меня, некому. А не показывался потому, что устраивался на работу, водил маму по врачам, боролся с лишним весом... В общем, куча проблем.

— Так ты откуда приехал? И что, с семьей?

На лице Виктора появилось некое подобие улыбки.

— Семья не получилась. Есть сын. Остался с матерью там, в Сибири.

— Так ты что, развелся?

— Нет еще. Но разведусь, теперь обязательно, — ответил он быстро. — Я только сейчас понял, что, приехав сюда, я «успел на последний поезд».

— «На последний поезд»... Что это значит? Ну расскажи, расскажи, если можешь, — стала допытываться Рита.

— Я тебе расскажу. Ты ведь многого не знаешь. Но в те студенческие годы ты меня понимала, и я тебя тоже. Я тебя часто вспоминал, Ритусь, очень часто... — сказал он тихо. — Понимаешь, после окончания университета я как-то растерялся. Помнишь, перестройка... никто никому не нужен, а филологи — подавно. Тебя я потерял... ты же как раз тогда на пятом курсе замуж вышла? Да, да, конечно, — проговорил он скороговоркой, — я понимаю, что тогда был не готов тебе что-то предложить... Ну, в общем, после университета я был растерян и не знал, что делать. — продолжал Виктор. — В школу работать не пошел. Не любил я школу, да и в те перестроечные годы там совсем мало платили. А я жил с мамой, ты же знаешь, книги собирал... Вот я и решил изменить профиль. Пошел работать в охрану. Тогда на это был спрос, ну и зарплата нормальная. Дослужился до начальника охранной службы предприятия. И тут мне встретилась Таня. Худенькая, улыбчивая девушка из Сибири. Мать у нее умерла при родах, отец — позже, когда Таня училась в школе. Она жила с тетей, которая ее забрала к себе после смерти отца. Меня захватила страсть, обычная мужская страсть, и я решил, что это любовь.

— Господи, Виктор, так ты что же, задержался в мужском развитии? Неужели правда? — с легким смешком и улыбкой спросила Рита.

— Да, Ритка, к сожалению, так и было. Ведь ты помнишь, какой я был. Я же все книжки собирал, читал их запоем, любил спорить, обсуждать, познавать. Так и засиделся «в девках». Так вот, потом мы с Таней поженились и уехали в Сибирь, на ее родину. Там у нее остался родительский дом. Поначалу жили как будто хорошо. Работали: я — в охране, а Таня — в бухгалтерии. Все необходимое было, хотя, конечно, зарплаты были маленькие. На жизнь хватало, но по минимуму. Потом сын родился. Таня оказалась очень домовитой. Все умела, все предусматривала, все у нее получалось. Вставала рано, в доме всегда было убрано, все постирано, поглажено, обед — на плите. Да и настроение у нее всегда было хорошее. В общем, домашний рай. Но постепенно в этом раю я стал как-то закисать. Понимаешь, я заметил, что жена моя, при всех ее женских достоинствах, не имела к этой жизни никаких вопросов. А поэтому не искала и ответов. Мы с ней как-то сидели на диване в обнимку и внимательно смотрели по телевизору фильм Андрея Тарковского «Зеркало». Ты ведь помнишь этот фильм? А помнишь, как жарко мы обсуждали всей нашей компанией фильмы Тарковского: «Андрей Рублев». «Зеркало», «Сталкер»... И как потрясающе Сашка Гревцов читал стихи Арсения Тарковского? — неожиданно перешел на воспоминания Виктор.

— Ну конечно, конечно, Витюша, все помню. А ты знаешь, что Сашка в девятые уехал в Штаты, живет где-то в Нью-Йорке и работает в эмигрантском журнале, а в свободное время укладывает тротуарную плитку по заказу.

— Нет, не знал, надо же, — удивился Виктор и хотел что-то спросить, но Рита прервала его, напомнив: — Витюш, мы отвлеклись, ну продолжай, продолжай, очень интересно.

— Ну да, да, — запнулся Виктор, — Так вот..., фильм закончился, и я спросил Таню: «Что ты думаешь об этом фильме, о чем он?» Встав с дивана и слегка зевнув, она с улыбкой ответила: «Я не думала об этом. Я все время смотрела на Маргариту Терехову, мою любимую актрису. А еще я вспомнила свой фирменный рецепт торта „Наполеон“. Сейчас пойду запишу». Мое мнение о фильме она даже не спросила. Тогда я очень удивился, но промолчал. Ведь для меня вся жизнь — вопросы, вопросы, вопросы. А ответы я привык искать везде: в книгах, в фильмах, в самой жизни. Но все же я не терял надежду Татьяну чем-нибудь заинтересовать. В это время я как раз увлекся индийской философией. Хоть и редко, но покупал новые книги, читал их по ночам. Эти книги лежали у нас на диване, на столе, где угодно. Но жена моя как будто этого не замечала. Я пытался с ней делиться прочитанным, а в те редкие минуты, когда она была свободна от домашних дел, рассказывал ей о наших студенческих спорах, идеях, прозрениях. И даже почти прочел лекцию о литературе русского зарубежья. Мне казалось, она внимательно слушала, хоть и молчала. Но однажды Таня вдруг сказала: «Знаешь, Витя, часто говорят, что это очень хорошо — книги читать, а как по мне — так нет, не очень. Ведь все это не реальная жизнь, а так — убежище. А надо быть здесь, только здесь, на земле. Вот я, вот ты, вот наш сын, наш дом... Живи этим, береги это, люби это... В этом и есть наш человеческий долг».

Над ее словами я долго думал и понял, что жена моя — очень сильный человек. Ей все понятно в этой жизни, и никто не сможет ее сбить. Она как Земля: крепкая и непоколебимая. И нет в ней ни воздуха, ни огня, ни воды. Нет ничего, что движется, куда-то устремляется. Но я, конечно, понимал, что в этом ее слабость, жизненная ограниченность, неправота, хотя я не знал, что делать. Дома мне было плохо. Я как будто жил один. А главное, со стороны жены не было желания что-то изменить. Она твердо стояла на своем. И тогда я вот что придумал: я приходил с работы, Таня готовила мне ужин, что-то рассказывала о ежедневных делах, сыне, своей работе, а я молчал. Но молчал не просто, а с укором. Я демонстрировал неприятие

этого грубого «земного бытия», протестовал против Таниной ограниченности, непоколебимости.

— Да ты что, Витюш! А еще любитель Достоевского, насколько я помню, — с легкой издевкой воскликнула Рита. — Разве ты не понимал, что это дорога в никуда?

— Конечно же, все понимал, но ничего с собой поделаться не мог. Меня просто несло. Я как будто вступил в борьбу. Но главное, ты понимаешь, — стал чуть ли не взахлеб говорить Виктор, — Таня, мне кажется, все понимала. Ну, то есть поняла упорство моего молчания, его искусственность. Но вела себя так, будто ничего не происходит, и сохраняла ровное течение жизни. Все так же чистила, мыла, готовила, ходила на работу, по вечерам делала уроки с Колей, нашим сыном. Я тоже уделял сыну время. Многое ему рассказывал, в детстве читал сказки, ходил в школу на утренники... Но Коля как-то больше тянулся к матери. Все время ждал ее с работы, выбегал навстречу, радовался. Меня это, конечно, задевало, но я надеялся, что он повзрослеет, все изменится. А с Таней мы все больше и больше друг от друга отдалялись. Я даже стал ее ненавидеть: за ее непоколебимую стойкость, неприятие моих ценностей, какую-то гордыню. Может быть, все бы так и продолжалось, но неожиданно Таню назначили главным бухгалтером, то есть повысили в должности. Видимо, на работе оценили ее спокойную уверенность и земную устойчивость. Она сразу стала зарабатывать гораздо больше меня. Вот тут-то все и началось. Как-то, придя с работы, она мне очень спокойно, но твердо сказала: «Витя, я хочу, чтобы ты, мой муж, обеспечивал семью». Я молчал, пытался найти другую, более оплачиваемую работу, переживал. Но город наш маленький, что-то изменить было трудно. И вдруг мою жену стал раздражать бассейн. Я все время, пока там жил, четыре раза в неделю по вечерам ходил в бассейн. Мне нужна физическая нагрузка, я к этому с юности привык. Ты помнишь, я ведь все время болел. Так вот, только бег и физическая нагрузка поставили меня еще в студенческие годы на ноги, освободили от бесконечных диагнозов. За долгие годы организм привык к этому. И если я не бегаю, то есть не имею физической нагрузки, то чувствую себя хуже. Повышается давление.

— Значит, ты подсел, так, что ли? — с некоторым удивлением спросила Рита.

— Да, почти что так. К сожалению, в нашем маленьком городке бегать было нелегко, разве что по улицам. Но по улицам я бегать не мог, в Сибири воздух холодный. А бассейн там был, я и стал ходить туда, хотя, видимо, такой физической нагрузки было мало. Я растолстел. Появилась одышка... А Таня этого не понимала. Знаешь, она мне сказала: «Ты хочешь хорошо жить, книги читать, дискуссии вести, ходить по бассейнам, здоровье укреплять, а семью содержать должна я». Я почувствовал, что, став главным кормильцем семьи, она решила взять реванш. Просто мстила мне за все и, наверно, тоже ненавидела.

Виктор на минуту умолк, чуть слышно вздохнул и продолжал:

— В общем, я ничего не сказал, собрался и уехал. А когда сюда приехал, стал бегать и сбросил лишний вес. Давление сразу пришло в норму. Мне жить захотелось. Я и понял, что если бы не уехал, то, наверное, загнулся бы. Короче, «успел на последний поезд»...

«А, все понятно. Вот почему у него брюки как будто „с чужого плеча“. Это он так похудел от своей беготни. А других брюк, видимо, нет», — подумала Рита, но, ничего не сказав, выразительно посмотрела на Виктора.

— Витюш, вся эта история какая-то странная. Получается, что ты всю жизнь и даже каждый день просматриваешь сквозь призму беготни. Побегал — день удался, не побегал — не удался. Так, что ли? А потом, как ты мог уделять достаточно времени сыну, если, как ты говоришь, четыре дня в неделю после работы ходил в бассейн?

— Ну, Ритусь, не передергивай. На сына я время находил. Ведь были же и свободные дни. А что касается моей беготни, как ты выражаешься, то, конечно, я думаю об этом по утрам, до работы, планирую свой день. И бег в этих планах присутствует.

— Да это же ужасно! Получается, что у тебя какая-то мания бега и ты в ее плену! — воскликнула Рита с легким возмущением.

— Да, я в плену своей мании. Но знаешь, Ритка, в этом плену я счастлив, — произнес Виктор, в упор глядя на Риту, так, будто неожиданно для себя раскрыл тайну.

Воцарилось молчание, которое через несколько секунд, вертя в руках пустую чашку, прервал Виктор.

— Ритусь, ну, давай откровенность за откровенность. Скажи, ну, ты-то почему одна? Ты такая красивая! Как я понял, успешна в работе, да и с деньгами, видимо, все в порядке.

Его голос был вкрадчивым, и Рита почувствовала лукавство мыслей, но виду не подала.

— Знаешь, Витя, я выходила замуж по любви. Но оказывается, для семейной жизни одной любви мало.

— А что же еще надо? — спросил Виктор, выдерживая ироничную интонацию.

— Тебе, Витюш, ответ известен. Но неважно, я все равно объясню: нужно, чтобы супруги, как минимум, постоянно обращали друг на друга внимание, а в тиши одиночества размышляли о своих отношениях, познавали интересы и ценности друг друга. И потом, если могли, эти интересы и ценности уважали. К сожалению, у нас с мужем так не получилось. Он меня не видел как личность, а просто хотел слепо подстроить под себя. Вот и получилось: я хотела работать, чего-то достигнуть, да и вообще — чувствовать себя нужной, активной, социально устойчивой. А он хотел меня видеть другой: домашней, неработающей, а значит — зависимой, несамостоятельной. Может, само по себе это и неплохо, но ведь ты знаешь, не мои это ценности. Начались споры, скандалы, дело дошло до того, что он назвал мое филологическое образование кухаркиным, только и подходящим для дома и воспитания детей. В общем, не получилось семейной жизни.

— А сейчас почему ты одна? Неужели рядом никого нет?

— А сейчас, Витюш, я слишком самостоятельна, независима и счастлива, чтобы меня еще кто-то захотел дополнить.

— Ужас, ох, ужас... Ритусь, чем же ты так счастлива? — опять так же лукаво, как будто зная ответ, спросил Виктор.

— Счастлива своим делом. Верю в то, что мне удастся что-то в этом мире сделать, хотя бы в рамках гимназии. Если тебе интересно, могу похвастаться: мне удалось соединить в одну систему преподавание в гимназии истории и литературы. Образно говоря, вводить ученика в эпоху и дать почувствовать ее дух. Воплотила в жизнь свою мечту, еще юношескую. Конечно, не все получилось. Но я не отчаиваюсь. Мне интересно творить, думать, видеть результат труда... И знаешь, любовь мужчины — это не то, что сейчас меня волнует.

— Ритусь, так ты тоже в плену своей мании и счастлива так же, как я, — будто поймав Риту, подытожил с улыбкой Виктор.

— Ах, вот оно что?! А я-то думала... Хм... Сравнил тоже... Ну, может... может, — в замешательстве произнесла Рита.

Домой она ехала по освещенным улицам города и чувствовала, что раздражена. Но почему, пока понять не могла. На душе было пусто, как будто давно тлевший там теплый уголек догорел. И только нервно пульсирующая мысль заставляла монотонно вопрошать: ну что же это, что? Он что, эгоист? Ну разве...